

Б.С. Ляпустин

Место экономических законов и фамилии в современных исследованиях экономики древнего Рима

Преодолевая недостатки старых подходов в изучении экономики, западные антиковеды выработали два новых направления исследований. Одни, изучая фамилии элит, отсутствующие в источниках сведения заимствуют из средневековой и новой истории. Другие стоящие проблемы решают, широко используя законы политэкономии. Автор дает оценку этим направлениям и предлагает свое видение проблемы.

Ключевые слова: древний Рим; экономика; фамилия; экономическая теория.

Последние десятилетия исследований античной экономики прошли под знаком критики основных недостатков теории М. Финли, согласно которой греко-римский мир не имел динамики развития, не был ориентирован на экономический рост, был индифферентен к инновациям, экономическое поведение было далеко от рационализма, в нем не было ни внутрирегиональных, ни внутрилокальных рынков и т. д. [2; 5]. В результате поисков нового в западном антиковедении на сегодняшний день обозначились два направления исследований, которые пытаются преодолеть однобокость и ограниченность старых подходов, открыть новые возможности к более глубокому изучению хозяйственной и деловой жизни в античности и вывести исследования по экономической истории древнего Рима на новый уровень.

Одно из них было заявлено французским историком Жаном Андро, в выступлении на международной конференции в Риме [7]. В своем докладе он дал критическую оценку ведущим подходам в изучении античной экономики в XX веке. По его мнению, историки-марксисты внесли определенный вклад в исследование понимания специфики древних обществ, однако этот вклад не был решающим, так как марксистская экономическая теория не разрушила в мировом антиковедении рамки спора между модернистами и антимодернистами (примитивистами). Это было, по его мнению, связано во многом с тем, что марксистская теория, базирующаяся на способе производства, которая

акцентирует внимание на системе угнетения и эксплуатации, носит скорее не экономический, а социологический характер. А это приводило к однобокости исследований [7: р. 190–191]. (На то, что в марксистском учении практически не различаются социологические и исторические аспекты процессов, что суживало поле исторических исследований, указывали и советские историки [1: с. 28–29]). Другим слабым местом марксистской теории является то, что поскольку экономический анализ был разработан для исследования капиталистической экономики, ученым приходилось оперировать категориями и понятиями, присущими главным образом буржуазному обществу. Поэтому повсеместное использование современных политэкономических терминов в исследовании древних обществ вело к модернизации (о «бессознательном модернизме» в исследовании антиковедов-марксистов, оперирующих категориями и структурами современного капитализма, писала еще Е.М. Штаерман [6: с. 35, 39]).

Автор, сам долгое время находившийся под влиянием экономической антропологии, возглавляемой Годелье, представители которой активно использовали учение Маркса о способе производства, считает, что марксизм не стоит сбрасывать со счетов. Он интересен, если не исключается применение в исследовании и других политэкономических теорий. Однако более важным для понимания античной экономики является вопрос о возможности использования понятий и категорий современной политэкономической науки. Здесь Ж. Анро принципиально расходится с М. Финли, который считал, что экономика древних обществ не являлась самостоятельным базисом общества, а находилась в зависимости от социальной структуры, политики и религии. В античном обществе не знали таких понятий, как «труд», «капитал» «прибыль» и т. д., на которых базируется современная капиталистическое производство и предпринимательство. Поэтому никакие современные политэкономические теории для изучения античной экономики не могут применяться. И такая оценка была справедлива, но только по отношению к узким подходам классической политэкономии и марксистского политэкономического учения.

Ошибка историков, по мнению Ж. Андро, заключалась не в том, что они обращались к экономическим теориям современности, а в том, что ограничивались только одним подходом. По его мнению, использовать законы экономической науки в исторических исследованиях можно, но при их применении необходимо исходить из трех главных постулатов (которые категорически отрицаются финлианцами): 1) доиндустриальные общества имели некую форму экономики; 2) эта экономика так же, как и наша, может быть изучена; 3) экономика античности, как и современная, подчиняется общим законам. Соблюдение этих принципов позволит активно использовать в историческом исследовании современные экономические теории, не подвергая себя опасности сползания в модернизм [7: р. 177].

В качестве одного из таких универсальных законов современной политэкономии, по которым функционировали экономики и древних, и современных

обществ, может быть теория движения капиталов и платежного баланса. Эта универсальная для всех эпох и экономик теория объясняет, по мнению Ж. Андро, резкие изменения в движении товарных и денежных потоков в древнем Риме в эпоху империи. Начиная с времени правления Августа Италия от доминировавшей в эпоху республики продажи товаров в провинциях перешла к активному ввозу товаров из них. Это было связано с тем, что вслед за политическим господством в Римской империи наступило монетарное господство. Все подданные должны были принимать имперскую монету. Система налогообложения провинций, денежные эмиссии, движение частных денежных сумм и государственные расходы концентрировали денежные ресурсы в Италии, и это привело к переносу покупательной способности из провинций в Италию [7: р. 178]. Ж. Андро весьма позитивно оценивал возможность такого избирательного использования политэкономических законов для раскрытия специфики и механизмов экономического развития античного Рима и призывал развивать его и дальше. Он сам в последние десятилетия сосредоточил усилия на изучении ростовщичества, банковского дела и движения денежных потоков в древнем Риме, видя в этом ключ к раскрытию сущности античной экономики.

Другое направление, которое получило наиболее широкое распространение в последнее время в Англии, стал дедуктивный метод исследования древнеримской экономики. Сторонники этого метода стремились решить проблему ограниченности источниковой базы по хозяйственной деятельности в античном Риме при полном отсутствии каких-либо статистических данных по экономической деятельности, поскольку, как справедливо отметил М. Финли, мышление античного человека не включало в сферу повседневной деятельности такое явление, как статистическая отчетность. Достаточно полно это направление представлено в монографии В. Йонгмана о Помпеях [9] и в статье Н. Розентайна [10]. В центре их внимания оказываются хозяйства римской элиты. Чтобы получить количественные данные, которых нет в источниках, историки этого направления пытаются рассуждать по аналогии. Они обращаются к любым конкретным свидетельствам всех эпох и государств, как древней эпохи, так и Средневековья и даже капиталистической Америки.

Так, Н. Розентайн, чтобы вычислить, какие площади должны были быть заняты под зерновыми, виноградниками и оливками, чтобы прокормить население Рима, сначала делает предположение о средней урожайности сельскохозяйственных культур в эпоху республики. Он собирает все известные сведения вплоть до эпохи Нового времени. Затем берет предположительное число римлян в это время и примерное потребление в течение года сельхозпродукции на человека. Далее он берет предполагаемое число представителей римской элиты (сенаторов и всадников), у которых были товарные виллы вокруг Рима. И затем высчитывает, на какой площади собирали урожай пшеницы. Разделив ее на предполагаемое число сельских поместий, поставлявших зерно в столицу, он находит искомую цифру, сколько земли было занято

на каждой вилле под зерновые. В итоге у автора получается, что, допустим, при 1 000 000 потребителей один владелец должен был возделывать в поместье 8,5 югеров виноградников, 7,74 югеров оливковых рощ и 85,3 югеров хлебного поля [10: р. 9]. А если допустить, что норма потребления была выше, то и порядок чисел также увеличивается. Автора не смущает ни величина несомненных ошибок при такой системе подсчета, ни то, что Рим потреблял также пшеницу, ввозимую из провинций, ни наличие крестьянских хозяйств. Но эти полученные цифры принимаются уже как абсолютные данные, на которых историк далее выстраивает новые системы доказательств.

Для придания веса своим вычислениям сторонники дедуктивного метода также обращаются к экономической теории. В. Йонгман, приступая к исследованию экономики Помпей, заявляет, что для получения необходимых ему, но отсутствующих в источниках количественных данных применяет метод «компаративистской статистики», взятой из современной политэкономии. Сравнивая сельское хозяйство Кампании в эпоху античности с производством продукции в Кампании раннего Нового времени, он, опираясь на данную теорию, вводит недостающие сведения [9: р. 137–154]. Автор приходит к выводу, что по аналогии с ранним Новым временем помпейская долина должна быть занята под зерновые, так как в Помпеях должна была ощущаться острая нехватка хлеба. А далее он высчитывает площадь, занятую под зерновые культуры. Исходя из того, что в городе было около 500–600 богатых домов атриумного типа, то, следовательно, 500–600 городских семей, обитавших в этих домах, должны были потреблять большое количество хлеба, которое могло поступать из близлежащих поместий. Поэтому на семью элиты, представителей *ordo decurionum*, в их поместьях должно было приходиться до 30 га зернового поля. Таким образом, даже сто фамилий декурионов, владевших виллами, были способны обеспечить Помпеи хлебом [9: р. 146].

Негативную оценку дедуктивному методу, примененному Йонгманом, дал в свое время Ж. Андро. Французский историк отметил, что выводимые автором абсолютные величины о производстве и потреблении вина и хлеба в Помпеях — это абсурд, так как от одного подсчета к другому возрастает степень ошибок [8: р. 132]. Можно только приблизительно догадываться о средней урожайности в античной Кампании. Единственным позитивным моментом, по мнению Ж. Андро, стало то, что было обращено внимание на проблему обеспечения Помпей зерном.

Такой подход к изучению древнеримской экономики, продиктованный намерениями восполнить источниковую базу данными, взятыми из других эпох и даже из других географических регионов, нарушает принцип историзма и уводит в субъективный мир гипотетических построений. Да и метод «компаративистской статистики» научно корректен только для обществ, где уже сложилась статистическая отчетность как форма экономического мышления. А античное общество в их число не входит. От одного рассуждения к другому

возрастает степень допущений, а следовательно, и ошибок. Впрочем, по мнению Ж. Андро, результаты этих исследований могут заслуживать внимания лишь относительно примерного порядка цифр и соотношения пропорций, где речь идет о вилке минимальных и максимальных значений в допущениях авторов. Но выведенные авторами конечные цифры являются, безусловно, некорректными и ошибочными.

Полностью присоединяясь к критической оценке дедуктивного метода, данной Ж. Андро, следует признать, что предложение французского историка о переходе исследователя на поле политэкономической науки весьма интересно и актуально. В нем заложен большой потенциал углубленного изучения экономики древнего Рима на строго научной основе. Однако это ставит перед историками вопрос: как совместить экономические законы, взятые из политэкономической науки, с изучением феноменов древности в рамках исторического знания?

Прежде чем дать ответ на этот непростой вопрос, следует обратить внимание, что и в предложениях Ж. Андро, и в дедуктивном методе конечная цель исследования — это реальный собственник, глава римской фамилии. Именно с ним связаны и производство, и потребление продукции, и потоки товаров, и потоки денежных средств. Именно мотивация поведения главы фамилии, несомненно, предопределяла все своеобразие хозяйственной жизни и экономики древнего Рима. Учитывая это, наиболее оптимальным представляется исследование реальных форм хозяйствования в античном обществе и протекавших там экономических процессов на основе цивилизационного подхода, который был предложен отечественным ученым М.А. Баргом и был апробирован его последователями при исследовании различных периодов отечественной и всемирной истории, в том числе и истории древнего Рима [1; 3; 4: с. 29–37].

М.А. Барг, высоко оценивая марксистскую методологию, в свое время совершившую переворот в историософской традиции [1: с. 27–28], отмечал, что формационный подход порождал и ряд недостатков. Так, при рассмотрении экономического базиса господствующий способ производства фактически затмевает фундаментальное свойство докапиталистических обществ — наличие многоукладности в хозяйственной жизни [1: с. 29]. Это же обнаруживается и в сфере социальной, где основные классы-антагонисты (для античности это, прежде всего, рабы) вытесняют из поля зрения историков остальные социальные структуры и формы их связей, исследование которых, по мнению Е.М. Штаерман, сегодня имеет первостепенную важность [6: с. 48]. Формационный подход, в чем Андро и Барг едины, обеспечивая понимание объективных процессов, все же не исчерпывает и не охватывает всего многообразия экономического развития в истории, так как за его рамками оказываются многие важные элементы общества, без которых может обойтись политэкономический анализ, но без которых историческое исследование будет односторонним.

На основе цивилизационного подхода проблемы и вопросы, которые назрели в области исследования экономики античного Рима, можно решить наиболее плодотворно. Основанием цивилизации служит общество, важнейшим элементом которого выступает семья. В древнем Риме таким основным элементом была фамилия, семейно-родовая община, которая с точки зрения способа производства была явлением маргинальным, а при цивилизационном подходе оказывается в центре внимания.

Поэтому вывести исследования по экономической истории на новый уровень, не впадая в модернизм, можно только при учете того, что в античном Риме центральной фигурой выступает римский гражданин, глава фамилии. Именно он с присущими ему сакральными и морально-этическими представлениями олицетворял собой и реализовывал на уровне повседневной практики неразрывное единство социального, политического, экономического и духовного начал. Общие законы реализуются через реальное поведение и действия людей, а античный гражданин и его фамилия в древнем мире имели ряд специфических черт и отличий, от структур и их представителей в последующих цивилизациях. Это не может не вносить нюансы в формы и пути реализации всеобщих экономических законов в древнем Риме. Представляется, что только с учетом и выявлением этого своеобразия следует использовать экономические законы в исторических исследованиях. А там, где за широкими социологическими схемами пропадает реальный человек, корректно и плодотворно законы, взятые из политэкономической науки, на поле античности работать не будут. Поэтому к трем пунктам, сформулированным Ж. Андро, следует добавить четвертый пункт: корректно и плодотворно могут быть использованы только те экономические законы, которые реализуются через хозяйственную жизнь и деятельность *pater familias* и возглавляемой им фамилии.

Литература

1. Барг М.А. Цивилизационный подход к истории. Дань конъюнктуре или требование науки? // Коммунист. 1991. № 3. С. 27–35.
2. Кошеленко Г.А. Экономика Древней Греции в современной зарубежной литературе // Древний Восток и античный мир / под ред. В.И. Кузищина. М.: Изд-во Моск. ун-та, 1980. С. 115–127.
3. Ляпустин Б.С. Римская фамилия и новый подход к истории экономики древнего Рима // Вестник МГИМО — университета. 2009. № 5 (8). С. 133–139.
4. Ляпустин Б.С. Хозяйственная жизнь фамилии в древнем Риме в эпоху Поздней республики. М.: Изд-во Моск. гуманитар. ун-та, 2014. 218 с.
5. Штаерман Е.М. Рец. на: М.Дж. Финли. The Ancient Economy. Berkeley – Los Angeles, 1973 // ВДИ. 1977. № 2. С. 165–175.
6. Штаерман Е.М. Экономическая история Рима (проблемы и методы) // Экономическая история. Проблемы и исследования / под ред. Ю.Н. Розалиева. М., 1987. С. 32–48.
7. Andreau J. L'Italie impériale et les provinces: déséquilibre des échanges et flux monétaires. In: L'Italie d'Auguste à Dioclétien. Actes du colloque international de Rome (25–28 mars 1992). Rome: École Française de Rome, 1994. P. 175–203.

8. *Andreau J.* Pompéi et ravitaillement in blé et autres produits de l'agriculture (I-er siècle ap. J.C.). In: Le ravitaillement en blé de Rome et des centres urbains des débuts de la République jusqu'au Haut Empire. Actes du colloque international de Naples (1991). Naples – Rome: Centre J. Bérard–École Française de Rome, 1994. P. 129–134.

9. *Jongman W.* The Economy and Society of Pompeii. Amsterdam: J.C. Gieben, 1988. 415 p.

10. *Rosenstein H.* Aristocrats and Agriculture in the Middle and Late Republic // JRS. 2008. № 3. P. 1–26.

Literatura

1. *Barg M.A.* Civilizacionny'j podxod k istorii. Dan' kon''yunkture ili trebovanie nauki? // Kommunist. 1991. № 3. S. 27–35.

2. *Koshelenko G.A.* E'konomika Drevnej Grecii v sovremennoj zarubezhnoj literature // Drevnij Vostok i antichny'j mir / pod red. V.I. Kuzishhina. M.: Izd-vo Mosk. un-ta, 1980. S. 115–127.

3. *Lyapustin B.S.* Rimskaya familiya i novy'j podxod k istorii e'konomiki drevnego Rima // Vestnik MGIMO — universiteta. 2009. № 5 (8). S. 133–139.

4. *Lyapustin B.S.* Xozyajstvennaya zhizn' familii v drevnem Rime v e'poxu Pozdnej respubliki. M.: Izd-vo Mosk. gumanit. un-ta, 2014. 218 s.

5. *Shtaerman E.M.* Rec. na: M.J. Finley. The Ancient Economy. Berkeley – Los Angeles, 1973 // VDI. 1977. № 2. S. 165–175.

6. *Shtaerman E.M.* E'konomicheskaya istoriya Rima (problemy' i metody') // E'konomicheskaya istoriya. Problemy' i issledovaniya / pod red. Yu.N. Rozalieva. M., 1987. C. 32–48.

7. *Andreau J.* L'Italie impériale et les provinces: déséquilibre des échanges et flux monétaires. In: L'Italie d'Auguste à Dioclétien. Actes du colloque international de Rome (25–28 mars 1992). Rome: École Française de Rome, 1994. P. 175–203.

8. *Andreau J.* Pompéi et ravitaillement in blé et autres produits de l'agriculture (I-er siècle ap. J.C.). In: Le ravitaillement en blé de Rome et des centres urbains des débuts de la République jusqu'au Haut Empire. Actes du colloque international de Naples (1991). Naples – Rome: Centre J. Bérard–École Française de Rome, 1994. P. 129–134.

9. *Jongman W.* The Economy and Society of Pompeii. Amsterdam: J.C. Gieben, 1988. 415 r.

10. *Rosenstein H.* Aristocrats and Agriculture in the Middle and Late Republic // JRS. 2008. № 3. P. 1–26.

B.S. Lyapustin

The place of Economic Laws and Familia in Modern Studies of the Economy of Ancient Rome

Western antiquists have developed two new areas of research, while overcoming the drawbacks of old approaches in the study of economy. While learning familias of the elite, some borrow the information, which is missing in sources, from medieval and modern history. Others solve the standing problems, widely using the laws of political economy. The author assesses these areas and offers his vision of the problem.

Keywords: ancient Rome; economy; familia; economic theory.